

УДК 93/94
DOI: 10.17223/19988613/51/6

А.С. Иванов

ИЕРАРХИЯ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ (1940–1950-е гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-11-86009 а(р)).

Исследуются вопросы соотношения статусов отдельных контингентов депортированных и «внутриконтингентных» групп в их среде. В результате автор приходит к выводу о том, что спецпоселенческий социум был разделен на «социально близких» власти, основную массу спецпереселенцев («социально не опасных») и группы «социально опасных» элементов. Практика трудоустройства спецпереселенцев-педагогов позволяет утверждать, что на поселении сложилась иерархия «более лояльных» и «менее лояльных» контингентов спецпереселенцев, в которой к «более лояльным» относились калмыки и немцы, а к «менее лояльным» – «прибалтийские контингенты», выселенцы с Северного Кавказа, крымские татары, бандеровцы и истинно православные христиане.

Ключевые слова: депортация; спецпереселенцы; спецпоселение; репрессии; среда обитания.

Исследователи национальной политики советского государства говорят о существовании иерархии народов СССР. С точки зрения советского национально-государственного строительства депортация народа на спецпоселение бросала его на самое дно, к основанию пирамиды национально-территориальных образований Советского Союза. Депортированные представители «наказанных народов» (немцы, калмыки, чеченцы, ингуши и др.) превратились из титульной нации автономной республики, занимавшей второе место в иерархии национальностей СССР, в этнодисперсное «нацменьшинство» – некоренное население краев и областей вселения, не имевшее собственной территории [1. С. 53–55].

В рамках известной дискуссии на страницах журнала «Russian Review» Э. Вайц говорил о существовании в СССР иерархий различия, систем доминирования и подчинения, которые могут иметь своим результатом весь спектр действий: от неформальной дискриминации до геноцида [2. Р. 65]. Американский исследователь Д. Хили отмечает, что в основе внутренней колонизации, осуществляемой силами «большого» ГУЛАГа (включающего систему спецпоселений), находились «иерархии принуждения», которыми «создавалась гамма тонких различий, существовавших между работниками...» [3. С. 692].

Современные российские исследователи обращают внимание на трансформацию статуса спец(труд)поселенцев. Известный специалист по истории спецпоселения В.Н. Земсков отмечал, что «открытым остается вопрос», кем являются спецпоселенцы – наиболее дискриминируемой частью обычного гражданского населения либо наиболее льготной частью гулаговского социума, либо одновременно, «и то и другое» [4. С. 34]. Не противоречат в этой части позиции В.Н. Земскова, результаты исследований С.А. Красильникова и его учеников. Изучение сибирского опыта ссыльных крестьян позволило новосибирским авторам увидеть в спецпереселенцах маргиналов [5. С. 18, 360]. Призна-

вая высокую значимость проведенных исследований, отметим, что фиксация «промежуточности» положения ссыльных, основанная на выявлении дискриминационных практик, отнюдь не снимает вопросов соотношения статусов отдельных контингентов депортированных и внутриконтингентных групп в их среде.

Основная исследовательская проблема заключается в выявлении «тонкой гаммы» различий, превращающей спецпоселение из сообщества людей, объединенных режимным статусом, в структуру, обладающую существенными внутри- и межконтингентными различиями на основе режимного статуса, налагавшего на спецпоселенцев ряд ограничений, отделявших каждую конкретную группу спецпоселенцев от «правового» советского социума. В рамках данной статьи мы предлагаем свое видение указанной проблемы, раскрыв ее на примере положения спецконтингента «калмыки», т.е. проведя компаративный анализ статусных характеристик депортированного на сибирское спецпоселение в конце 1943 – начале 1944 г. калмыцкого населения с представителями других групп спецпереселенцев.

В период тотальных депортаций народов времен Великой Отечественной войны вышли ключевые документы, конституировавшие иерархию различий на внутриконтингентном и межконтингентном уровнях.

Спецкоменданты в своей деятельности опирались на вышедшие 8 марта 1944 г. «Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев». В этом документе спецпереселенцы были формально разделены на «социально опасных» и «социально не опасных». Спецпоселенческий социум только внешне представлял собой единое целое, внутри он был разделен комплексом формальных и неформальных различий.

К категории «опасных» были причислены те из спецпереселенцев, «которые в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками районов их прежнего местожительства служили полицейскими, старостами, комендантами или по собственной инициативе выполняли другие обязанности, способствовав-

шие немцам в проведении карательных и репрессивных мер по отношению к советским гражданам» [6. С. 146–147]. Обустройство на поселении первой группы производилось в условиях, обеспечивающих постоянный и усиленный надзор за ними со стороны органов НКВД [Там же. С. 147].

Список лиц, относящихся к «враждебным элементам», по этому положению ограничивался только фактическими немецкими пособниками, однако, как показала практика постановки спецпереселенцев-калмыков на оперативный учет, круг «опасных» лиц был значительно шире (табл. 1).

Таблица 1

**Спецпереселенцы-калмыки, находившиеся
на оперативном учете (начало декабря 1944 г.)**

Окраска:	Омская	Тюменская	Всего по СССР
Изменники Родины	–	158	619
Члены семей изменников Родины	126	–	297
Бывшие бандиты	22	19	77
Дезертиры РККА	4	–	35
Контрреволюционная работа	–	–	6
Пособники фашистских властей	45	13	80
Полицейские	35	–	41
Старосты	8	–	20
Гелюнги	10	–	41
Белогвардейцы	1	–	1
Асоциальный элемент	53	10	202
Уголовные преступления	–	–	50
Подозреваемые в шпионаже	–	3	19
Прочие преступления	–	49	144
Подготовка к побегу	–	–	21
Контрреволюционные буржуазные националисты	–	–	15
Итого:	304	252	1 661

Примечание. Гелюнги – буддистские священнослужители, преследовались как представители «контрреволюционного» духовенства. Составлено и подсчитано по: [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 137].

Калмыки, состоявшие на оперативном учете в целом по стране, были разделены по 16 «окраскам». К началу декабря 1944 г. на изучаемой территории находились депортированные, принадлежавшие к 12 учетным графам. Им действительно было уделено особое внимание. Так, спецпереселенцы, проходившие по графе учета «изменники Родины», были сконцентрированы в Тюменской области, в то время как в Омской области на поселении находились «члены семей изменников Родины». Выявление лиц, изменивших Родине, продолжалось и на поселении [7. С. 106]. Уголовников среди находившихся на учете по областям не было.

Важно отметить, что выявление «бандитских элементов» продолжалось. В 1944–1945 гг. органами НКВД Урало-Сибирского региона по подозрению в измене Родине, предательстве и пособничестве немцам было арестовано 198 калмыков [8. С. 204]. За первое

полугодие 1947 г. в Тюменской области были возбуждены «политические» дела против 47 немцев и калмыков, большинство калмыков обвинялось по статье 58 – пункты 1 («измена Родине в период войны») и 10 («антисоветская агитация и пропаганда») [9. Ф. 1103. Оп. 5. Д. 3. Л. 30, 72 об.]. Список «социально опасных» граждан также постоянно расширялся. Если к 14 августа 1944 г. на оперативном учете в УНКВД Омской области состояли 358 калмыков [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 63 об.], то в декабре 1944 г. количество таких лиц на исследуемой территории увеличилось до 556 (1 661 – по СССР). К началу 1948 г. на оперативном учете по СССР состояли 2 559 человек. Это означало, что почти за четыре года на спецпоселении количество калмыков, подозреваемых в преступной деятельности, возросло на 54% [Там же. Д. 366. Л. 309]. В отсутствие контроля за деятельностью комендатур режим продолжал искать и репрессировать «враждебные элементы», произвольно корректируя состав населения.

Для второй группы спецпереселенцев – «социально неопасных» – предлагалось создавать «благоприятные условия» для трудоустройства [6. С. 147]. Все спецпереселенцы, не относящиеся к категории «опасных», попадали во вторую группу. В особом положении находились коммунисты и комсомольцы, не утратившие общественного статуса, который они имели до депортации, хотя они выселялись на общих основаниях, даже если имели заслуги перед государством [Там же. С. 25]. По прибытии на поселение их статус определен не был, в связи с чем возникла проблема с постановкой на учет калмыков, прибывших из других парторганизаций.

В конце января 1944 г. Омский обком ВКП(б) в ответ на запросы из районов разослал информацию, в которой говорилось, что калмыки-коммунисты должны браться на временный учет и только после получения «особого указания» могут быть поставлены на постоянный партийный учет [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 1]. К концу марта 1944 г. на территорию Омской области прибыли 226 коммунистов-калмыков [Там же. Л. 36]. «Особое указание» было получено в конце 1944 г., поскольку с 1 января 1945 г. калмыки уже находились в составе Омской областной парторганизации [Там же. Д. 3989. Л. 8]. Процесс постановки на учет был достаточно растянут во времени, поскольку у многих коммунистов отсутствовали учетные карточки, которые необходимо было запрашивать в местах выселения [Там же. Л. 49, 58].

Ситуация в комсомольских организациях, видимо, развивалась по сходному сценарию. Ф. Надь вспоминал, что сразу по прибытии на поселение несколько калмыков пришли в Исилькульский райком комсомола, чтобы стать на учет, однако вместо этого у них комсомольские билеты были изъяты [12]. Первые сводные данные по областям относятся к 1 декабря 1944 г., когда на учете в комсомольских организациях Омской и Тюменской областей состояли 177 комсомольцев (21 – в Омской, 156 – в Тюменской). Всего к этому времени в СССР на спецпоселении насчитывалось 777 калмы-

ков-комсомольцев [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 134]. В марте 1949 г. по всему Советскому Союзу насчитывалось 7 659 спецпереселенцев-коммунистов (в том числе 1 301 калмык) и 11 669 комсомольцев (764) [13. С. 15].

Трудоустройство относящихся к этим социальным группам спецпереселенцев в народном хозяйстве областей имело свои особенности. Многие лица, занимавшие посты секретарей районных комитетов партии, председателей райисполкомов, уже в первые месяцы депортации назначались на управленческие должности, хотя и более низкого уровня.

К 14 августа 1944 г. среди спецпереселенцев-калмыков на территории Омской области сложилась группа руководящих советских и партийных работников: бывший зам. председателя Совнаркома, два зав. отделами обкома ВКП(б), три зав. отделами РК ВКП(б), три председателя райисполкомов [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 140. Л. 4 об.]. За одним исключением все они заняли на поселении нерядовые должности. К примеру, бывший заведующий отделом Калмыцкого обкома ВКП(б) работал на поселении инструктором райкома партии, а бывший заведующий отделом райкома ВКП(б) – председателем колхоза. Управленческий опыт этих людей оказался востребован в ситуации острого дефицита кадров, наблюдавшегося в военное время. Были также востребованы коммунисты, имевшие производственный опыт, один из таких практиков-производственников стал заместителем директора Усть-Иртышского рыбозавода [14. Ф. 118. Оп. 1. Д. 383. Л. 113, 116, 138].

Фиксируются случаи использования коммунистов и комсомольцев для агитации среди соплеменников, не владеющих русским языком [15. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 3 об., 4 об.]. Бывшая спецпоселенка-калмычка П.И. Хурюмова вспоминала об особом отношении местных властей к семье депортированных партийных работников уже начиная с момента расселения на Севере: «А Зундуевым-то дали хорошую [квартиру], раз она [Мария Зундуева] партийная была. Она ж только языком и трёкала: “Я партийная! Я партийная!” <...> Мы работали, а она все [ходила,] выбивала! <...> А потом ее комендант перевел из Сатыги в Кондинск, там дескать привилегия им больше стала...»¹. Из воспоминаний калмыков-комсомольцев можно сделать вывод о том, что членство в ВЛКСМ содействовало карьерному росту в условиях спецпоселения [16. С. 215; 17. Л. 4]. В то же время отмечались случаи трудоустройства рядовых коммунистов без учета специальности [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 23]. Но на партийных спецпереселенцев и членов ВЛКСМ распространялись все ограничения по спецпоселению, что не давало им возможности полноценно участвовать (к примеру, выезжать на партийные и комсомольские конференции) в работе структур ВЛКСМ и ВКП(б)/КПСС [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 75, 181].

Проведенные в 1955–1956 гг. Омским и Тюменским обкомами КПСС проверки показали, что привлечение

калмыков на ответственные должности (секретарей первичных комсомольских, профсоюзных и партийных организаций) было исключительным явлением [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 7084. Л. 1–5; 15. Ф. 124. Оп. 96. Д. 104. Л. 73–76]. Это делало спецпереселенцев неполноправными коммунистами и комсомольцами. Анализируя участие спецпереселенцев в общественно-политической жизни республик Средней Азии, Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов указывали, что одной из важнейших задач спецпереселенцев-коммунистов и комсомольцев была «политическая работа» среди спецпоселенцев [18. С. 259–261], т.е. прибывшие на поселение члены ВЛКСМ и ВКП(б), наряду с мусульманским духовенством, использовались государством для интервенции в среду спецпоселенческого социума.

В особую группу были выделены сотрудники спецслужб. Несмотря на то что они в акте от 8 марта назывались «бывшими» и, следовательно, лишены всех преференций, интерес власти к этой группе лиц сохранялся. В начале мая 1944 г. руководство Управления НКВД Омской области направило в Москву «список работников НКВД, НКГБ и Милиции, переселенных из бывшей Калмыцкой Республики». Важно отметить, что эти люди, несмотря на статус спецпереселенцев, не лишились своих званий и, что еще важнее, не именовались «бывшими». В списке насчитывалось 29 сотрудников спецслужб [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 177].

Прибывшие партийные сотрудники НКВД и НКГБ почти все стали рядовыми рабочими и колхозниками. Исключение составили два человека. Один, бывший оперуполномоченный НКВД одного из районов Калмыцкой АССР, устроился командиром отделения пожарной охраны райотдела НКВД, второй, бывший оперуполномоченный Троицкого райотдела НКВД Калмыцкой АССР, стал комендантом на лесозаводе в Ялуторовском районе. В последнем случае спецпереселенец, видимо, надзирал за своими земляками [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 11]. Важно отметить, что единственным, кто уже к началу мая 1944 г. был трудоустроен в качестве оперуполномоченного НКВД, был член ВКП(б), до переселения также работавший оперуполномоченным, но в комиссариате госбезопасности [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 177]. Это назначение уникально тем, что человек сам, будучи репрессированным, был наделен карательными полномочиями.

Эта коллизия возникла в условиях войны, когда дефицит кадров, ввиду призыва на фронт работников ведомства, ощущался особенно остро. Чтобы устранить подобные неувязки, в августе 1944 г. Наркомат внутренних дел принял директиву «О снятии с учета спецпоселений бывших сотрудников НКГБ и НКВД», а в сентябре – инструкцию «О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД–НКГБ, относящихся к переселенным национальностям». На основании этих распоряжений калмыки стали приниматься на работу в управления НКВД краев и областей. При этом с них снимался статус спецпереселенцев. Однако каж-

дый калмык, принятый на службу, давал расписку в том, что он и его семья не имеют права покидать новое место жительства [19. С. 68]. По воспоминаниям репрессированных восстанавливаются два эпизода работы калмыков спецкомендантами [16. 244, 253].

Ужесточение режима спецпоселения сказалось на положении и этих групп. Отчетливо изменение режима в местах поселения мы можем видеть по сведениям о приеме в ВКП(б). Согласно данным статотчетов, первый калмык в Омской области был принят в кандидаты в члены ВКП(б) уже в первом квартале 1944 г. Начиная с 1948 г. прием калмыков в партийные ряды сокращается, а с 1950 г. (в Омской области с 1951 г.) – прекращается (табл. 2).

Таблица 2
Количество принятых в партию калмыков по Омской и Тюменской областям (1944 г. – 1 апреля 1954 г.)

Омская область				
Принято в:	Члены ВКП(б)		Кандидаты в члены ВКП(б)	
I квартал 1944 г.	—		1	
II квартал 1944 г.	—		—	
III квартал 1944 г.	—		—	
	Омская область		Тюменская область	
Принято в:	Члены ВКП(б)	Кандидаты в члены ВКП(б)	Члены ВКП(б)	Кандидаты в члены ВКП(б)
IV квартал 1944 г.	—	—	—	—
1945 г.	2	1	1	—
1946 г.	5	—	5	—
1947 г.	3	2	3	—
1948 г.	—	—	—	2
1949 г.	1	—	1	—
1950 г.	1	—	—	—
1951 г.	—	—	—	—
1952 г.	—	—	—	—
1953 г.	—	—	—	—
I квартал 1954 г.	—	—	—	—

Составлено по: [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3974. Л. 3 об.; Там же. Д. 3980. Л. 2 об.; Там же. Д. 3984. Л. 3 об.; Там же. Д. 3989. Л. 3 об.; Там же. Д. 4303. Л. 3 об.; Там же. Д. 4307. Л. 2 об.; Там же. Д. 4312. Л. 2 об.; Там же. Д. 4316. Л. 3 об.; Там же. Д. 4618. Л. 3 об.; Там же. Д. 4622. Л. 2 об.; Там же. Д. 4628. Л. 2 об.; Там же. Д. 4632. Л. 4 об.; Там же. Д. 4919. Л. 4 об.; Там же. Д. 4925. Л. 3 об.; Там же. Д. 4931. Л. 3 об.; Там же. Д. 4936. Л. 2 об.; Там же. Д. 5177. Л. 2 об.; Там же. Д. 5183. Л. 2 об.; Там же. Д. 5189. Л. 3 об.; Там же. Д. 5194. Л. 4 об.; Там же. Д. 5453. Л. 2 об.; Там же. Д. 5458. Л. 3 об.; Там же. Д. 5465. Л. 3 об.; Там же. Д. 5469. Л. 15 об.; Там же. Д. 5695. Л. 3 об.; Там же. Д. 5700. Л. 4 об.; Там же. Д. 5707. Л. 3 об.; Там же. Д. 5712. Л. 7 об.; Там же. Д. 5937. Л. 4 об.; Д. 5941. Л. 7 об.; Там же. Д. 5947. Л. 3 об.; Там же. Д. 5951. Л. 10 об.; Там же. Д. 6231. Л. 3 об.; Там же. Д. 6236. Л. 4 об.; Там же. Д. 6243. Л. 4 об.; Там же. Д. 6248. Л. 9 об.; Там же. Д. 6480. Л. 4 об.; Там же. Д. 6487. Л. 2 об.; Там же. Д. 6497. Л. 3 об.; Там же. Д. 6504. Л. 4 об.; Там же. Д. 6704. Л. 2 об.; 15. Ф. 124. Оп. 2. Д. 20.; Там же. Оп. 4. Д. 139. Л. 9 об., 21 об., 38 об., 53 об.; Там же. Оп. 9. Д. 161. Л. 14 об., 32 об., 51 об., 71 об.; Там же. Оп. 15. Д. 121. Л. 13 об., 28 об., Л. 49 об., Л. 66 об.; Там же. Оп. 21. Д. 195. Л. 12 об., Л. 29 об., Л. 45 об., Л. 68 об.; Там же. Оп. 40. Д. 185. Л. 13 об., Л. 28 об., Л. 52 об., Л. 66 об.; Там же. Оп. 54. Д. 230. Л. 13 об., Л. 33 об., Л. 53 об., Л. 72 об.; Там же. Оп. 66. Д. 189. Л. 12 об., Л. 26 об., Л. 49 об., Л. 67 об.; Там же. Оп. 72. Д. 251. Л. 12 об., Л. 25 об., Л. 34 об., Л. 54 об., Л. 68 об.; Там же. Оп. 78. Д. 214. Л. 14 об., Л. 32 об., Л. 55 об. Л. 72 об.; Там же. Оп. 86. Д. 152. Л. 13 об.].

Параллельно происходит постепенное сокращение численности калмыков в рядах парторганизаций областей. Этот процесс совпадает с пиком ужесточения ре-

жима спецпоселения после принятия известного Указа Президиума Верховного Совета от 28 ноября 1948 г. Фактически к началу 1950-х гг. начинает действовать негласный запрет на прием спецпереселенцев-калмыков в ряды ВКП(б) (табл. 3).

Таблица 3
Количество калмыков-коммунистов в Омской и Тюменской областях (1945–1961 гг.)

На 1 января:	Омская область		Тюменская область	
	Членов ВКП(б)	Кандидатов в члены ВКП(б)	Членов ВКП(б)	Кандидатов в члены ВКП(б)
1945 г.	95	15	нет данных	
1946 г.	154	48	126	61
1947 г.	189	45	146	40
1948 г.	178	52	159	40
1949 г.	168	30	131	30
1950 г.	170	24	105	18
1951 г.	165	23	103	14
1952 г.	161	23	95	11
1953 г.	157	15	84	10
1954 г.	140	5	74	3
1955 г.	146		74	
1956 г.	138		70	
1957 г.	126		59	
1958 г.	53		48	
1959 г.	21		21	
1960 г.	12		14	
1961 г.	9		15	

Примечание. В 1954 г. форма отчетности меняется, в графе «национальный состав парторганизации» указывается общее число коммунистов – членов и кандидатов ВКП(б) – по отдельным национальностям.

Составлено по: [11. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3989. Л. 8 об.; Там же. Д. 4316. Л. 8 об.; Там же. Д. 4632. Л. 9 об.; Там же. Д. 4936. Л. 8 об.; Там же. Д. 5194. Л. 11 об.; Там же. Д. 5469. Л. 20 об.; Там же. Д. 5712. Л. 13 об.; Там же. Д. 5951. Л. 17 об.; Там же. Д. 6248. Л. 21 об.; Там же. Д. 6504. Л. 10 об.; Там же. Д. 6717. Л. 2 об.; Там же. Д. 6931. Л. 3 об.; Там же. Д. 7102. Л. 4 об.; Там же. Д. 7265. Л. 3 об.; Там же. Д. 7399. Л. 3 об.; Там же. Д. 7553. Л. 2 об.; Там же. Д. 7693. Л. 2 об.; 15. Ф. 124. Оп. 4. Д. 139. 59 об.; Там же. Оп. 9. Д. 161. Л. 75 об.; Там же. Оп. 15. Д. 121. 76 об.; Там же. Оп. 21. Д. 195. Л. 72 об.; Там же. Оп. 40. Д. 185. Л. 72 об.; Там же. Оп. 54. Д. 230. Л. 78 об.; Там же. Оп. 66. Д. 189. Л. 80 об.; Там же. Оп. 72. Д. 251. Л. 78 об.; Там же. Оп. 78. Д. 214. Л. 98 об.; Там же. Оп. 86. Д. 152. Л. 39 об.; Там же. Оп. 96. Д. 121. Л. 13 об.; Там же. Оп. 98. Д. 96. Л. 13 об.; Там же. Оп. 117. Д. 100. Л. 11.; Там же. Оп. 127. Д. 107. Л. 14 об.; Там же. Оп. 134. Д. 104. Л. 5 об.; Там же. Оп. 150. Д. 106. Л. 5 об.].

Усиление административных барьеров сказалось и на практике приема в комсомол. По результатам спецпереписи (на 1 апреля 1949 г.) на территории Омской и Тюменской областей находился 271 комсомолец-калмык (105 – в Омской; 166 – в Тюменской) [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136, 139, 241–242, 247]. Стремительный рост рядов комсомольцев из числа спецпереселенцев-калмыков в Омской области (в пять раз) произошел, по всей видимости, из-за их недоучета в военные годы и растянутости во времени постановки на учет на местах, так как в Тюменской области число членов ВЛКСМ возросло всего на 10 человек [Там же. Л. 136, 247].

Ограничения, несомненно, существовали, так как количество спецпереселенцев-калмыков, состоявших в комсомоле по всему Советскому Союзу, сократилось к тому времени до 764 человек [Там же. Д. 455. Л. 193]. Этот запрет был более «мягким», чем в партии, и зависел от конкретных местных условий. В Тюменской обла-

сти к концу 1949 г. среди спецпереселенцев всех категорий насчитывалось 488 комсомольцев, а в 1953 г. уже 1 443 комсомольца [10. Д. 725. Л. 232]. Вопрос о приеме в комсомол, как и десятилетие назад в отношении «бывших кулаков», решался в индивидуальном порядке [20. С. 308].

Послевоенное ужесточение режима спецпоселения в сочетании с улучшением положения с кадрами внутри НКВД побудило ведомство Берии к постепенному отказу от услуг сотрудников калмыцкой национальности. Из структур УНКВД Красноярского края все калмыки были уволены в 1946 г. с одинаковой формулировкой: «...не может занимать данную должность» [19. С. 69]. В других областях этот процесс затянулся до начала 1949 г. [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 43]. В соответствии с циркуляром заместителя министра внутренних дел В.С. Рясного от 12 марта 1949 г. периферийные органы взяли калмыков – сотрудников спецслужб на спецучет снова [6. С. 227].

После возвращения этой группы лиц на спецпоселение перед руководством НКВД встал вопрос об их дальнейшей судьбе, так как «бывшие сотрудники МВД имели на связи агентуру и вели агентурные разработки, следовательно, им известна значительная часть агентуры среди выселенцев и спецпоселенцев, расселенных в области» [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 43]. В связи с этим отдел спецпоселений МВД СССР в марте 1949 г. считал целесообразным «выселенцев быв[ших] оперативных сотрудников МВД вместе с их семьями переселить [из Новосибирской области] на спецпоселение в Казахскую ССР» [Там же. Л. 45]. 5 сентября 1949 г. заместитель министра внутренних дел СССР В.С. Рясной поддержал инициативу начальника отдела спецпоселений В.В. Ширина [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 456. Л. 15]. В результате калмыки, имевшие опыт работы в НКВД, после повторного выдворения на спецпоселение были вторично переселены вместе с семьями в другие области или республики СССР ввиду владения ими секретной оперативной информацией о структуре спецпоселений по месту первоначального расселения. Известно, что аналогичная практика (снятия с учета, трудоустройства в органы МВД и повторного зачисления на спецучет) существовала также в отношении депортированных сотрудников спецслужб из других этнических «контингентов», например балкарцев [21. С. 37].

Административный надзор являлся регулятором состава населения – инструментом интервенции (проникновения) в социальную среду, обеспечивающим чистоту формируемой в ходе «общественно-полезного» труда структуры населения. Он являлся инструментом контроля за рабсилой, позволявшим отделить «вредные элементы» от «здорового ядра», сформировать социальную структуру, необходимую государству.

Спецпоселенческий социум был искусственно разделен властью на «опасных» и «неопасных». Среди «неопасных» выделялись две «социально близкие» власти группы: 1) коммунисты и комсомольцы, сохранившие членство в ВКП(б)/КПСС и ВЛКСМ, а глав-

ное – общественный статус, которым они обладали до депортации; 2) сотрудники НКВД и НКГБ – снятые со спецучета, а в отдельных случаях – инкорпорированные в структуры карательных ведомств, наделенные соответствующими полномочиями и, тем самым, максимально приближенные (без права покидать поселение) к своему додепортационному статусу.

Принадлежность к одной из «благонадежных» групп сама по себе не снимала клейма спецпереселенца, но создавала благоприятные предпосылки для быстрой и успешной социализации. В то же время система, нацеленная на подавление любого неповиновения, могла каждого спецпереселенца фактически бесконтрольно зачислить в категорию «социально опасных» и вторично репрессировать.

Вопрос существования межконтингентной иерархии не менее важен и сложен. Не так много официальных источников, подтверждающих ее существование. Один из них – докладная записка, направленная в Москву начальником УМВД Тюменской области Н.Ф. Шеваровым. Обобщая результаты оперативно-розыскной работы по поиску бежавших спецпереселенцев и причинам их побегов с мест поселения, начальник УНКВД Тюменской области Н.Ф. Шеваров в августе 1948 г. отмечал, что «основными причинами побегов спецпоселенцев-немцев и калмыков являются разрозненность семей, а спецпоселенцев “указников”, оуновцев и литовцев – стремление путем побега избежать пребывания в ссылке. Эти настроения усиливаются в случаях, когда хозорганы не создают им нормальных трудовых и жилищно-бытовых условий» [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416. Л. 147].

В результате уже на поселении спецпереселенцы разделялись на «более лояльных» и «менее лояльных». В соответствии с представлением о степени лояльности разных «контингентов» варьировалась строгость административного режима: в Тюменской области была «организована регулярная явка глав семей спецпоселенцев-калмыков для отметок в спецкомендатуру один раз в месяц, глав семей оуновцев и литовцев два раза в месяц и всех “указников” (выселенные по указу ПВС от 2 июня 1948 г. – А.И.) один раз в неделю» [Там же. Л. 141]. Аналогичным образом в соседней Омской области в конце 1949 г. в местах поселения калмыки и немцы являлись для отметки в комендатуру один раз в месяц; оуновцы и латыши – два раза в месяц; и эстонцы – 3 раза в месяц [Там же. Д. 471. Л. 271].

При сопоставлении данных о «побеговой активности» калмыков с количеством лиц, находившихся в заключении, а также «побеговой активностью» других «контингентов» можно сделать вывод о том, что калмыки были одной из наиболее законопослушных групп спецпереселенцев (табл. 4). К примеру, в Омской области количество находившихся в бегах среди бандеровцев² на 1 июля 1948 г. достигло 2 070 человек (среди калмыков к концу года 10 беглецов) [Там же. Д. 416. Л. 141], а к 1 января 1951 г. числился 521 бежавший (сре-

ди калмыков – 3), при том что калмыков на спецучете состояло 9 573 и 12 915 ОУНовцев [10. Д. 556. Л. 14]. По Тюменской области только в первые месяцы нахождения на поселении (июнь–июль 1948 г.) было «выявлено 600 человек, склонных к совершению побега» среди «указников» [Там же. Д. 416. Л. 141].

Таблица 4

**Доля спецпереселенцев, находившихся
в местах лишения свободы, к количеству состоявших
на спецучете (на 1 января 1951 г.), %**

Контингент	Омская область	Тюменская область	По СССР
Немцев	0,78	1,01	1,3
Из Прибалтики	0,32	–	0,21
Оуновцев	8,5	7,1	4,55
Калмыков	2,8	2,89	2,71
Немецких пособников	7	–	4,29
Бывших кулаков	–	3,72	1,21
Из Молдавии	–	0,21	0,31
Указников	–	10,1	7,76
Из Литовской ССР	–	3,21	2,07
ИПХ	–	18,6	19,23

Составлено и подсчитано по: [7. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 556. Л. 14–17, 19–23].

Власть эти данные интерпретировала достаточно определенно и давала на это свой «симметричный» ответ. Доля калмыков и немцев, попавших в заключение на поселении, в сравнении с другими «контингентами», была сравнительно невелика: на 1 января 1951 г. в заключении находились 2,71% калмыков и 1,3% немцев по СССР от числа состоящих на спецучете. В то время как среди открыто антисоветски настроенного контингента – «истинно-православных христиан»³, доля заключенных (по СССР) приблизилась к 20% к числу находящихся на поселении, а среди «указников» [выселенных по указу ПВС от 2 июня 1948 г.] она составляла 7,76% (по Тюменской области – 10,1%).

Представители власти учитывали различные поведенческие стратегии и этику поведения депортантов по отношению к режиму спецпоселения и органам власти в целом. Информация о «побеговой активности» и степени восприимчивости к требованиям административного режима интерпретировалась с позиций лояльности. Исходя из этих данных констатировалась административно-режимная политика в отношении каждого конкретного «спецконтингента». В сибирских областях именно бандеровцы, «указники», а также ИПХ воспринимались властью как наиболее опасные группы среди спецконтингента. Отметим, что враждебность властей по отношению к ИПХ дошла настолько далеко, что 17 мая 1945 г. советскими властями в Ханты-Мансийском округе было утверждено беспрецедентное решение «об изъятии у сектантов их детей и о размещении последних в детских домах [Самаровского] района». В итоге по округу у дееспособных родителей был изъят 261 ребенок [22. С. 25]. Вероятно, целью изъятия являлось идеологическое перевоспитание.

Важнейшими индикаторами, отражающими существование межконтингентной иерархии, являются наличие / отсутствие возможности продолжить образо-

вание и практика трудоустройства депортированных в образовательной сфере.

Здесь мы обратимся к анализу одного из важнейших правительственных решений, по мнению многих авторов характеризующих политику сталинского государства в отношении «наказанных народов» в целом. Речь идет о распоряжении СНК № 13287 рс от 20 июня 1944 г., принятом после обращения Л.П. Берии к В.М. Молотову от 19 июня того же года [23. С. 546–547]. А. Статив полагает, что Л.П. Берия, апеллируя к В.М. Молотову, изложил «суть ассимиляционной политики» в следующих словах: «Спецпереселенцы размещены небольшими группами в колхозах и районах вперемешку с местным – русским, казахским, узбекским и киргизским населением» [Там же. С. 546]. Видимо, чтобы усилить впечатление от документа, Статив добавляет, что детей депортированных «учили на русском» для того, чтобы они «забыли свою культуру» [24. Р. 258]. В цитируемом документе действительно говорится о необходимости начального образования на русском языке для спецпереселенцев из числа представителей «наказанных» народов, расселенных в республиках Средней Азии (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар), «в силу отсутствия соответствующих проверенных педагогических кадров» (выделено мной. – А.И.), способных организовать обучение депортированных на их национальных языках НКВД СССР считало целесообразным обучение детей спецпереселенцев проводить на русском языке в существующих школах по месту спецпоселения [23. С. 546]. Обучение детей в средних и высших учебных заведениях проводилось также на общих основаниях, но с правом перемещения только в пределах республик спецпоселения.

Обращает на себя внимание отсутствие в списке двух крупных этнических контингентов – немцев и калмыков. Это, безусловно, не было случайностью, точно так же, как и сам перечень «спецконтингентов» в распоряжении СНК, так как среди не попавших в «черный список» национальных групп подобные проверенные кадры были. Исследователь практик адаптации чеченского и ингушского населения в Казахстане С.Ш. Казиев, отмечает, что и партийные руководители республики «рассматривали чеченцев и ингушей как “опасных” и “нежеланных” жителей», а сами вайнахи, в отличие от других депортантов (немцев, греков и др.), “придерживались линии на противопоставление другим народам и тайное сопротивление официальным властям”» [25. С. 133, 136].

Не случайно в современных исследованиях истории спецпоселения народов Северного Кавказа мы не находим упоминаний о трудоустроенных по специальности учителях, не говоря уже о директорах школ из числа спецпереселенцев «северокавказцев» [26–29]. Это позволяет говорить о существенных отличиях в практиках дискриминации различных контингентов спецпереселенцев, при которой «более лояльные» немцы и кал-

мыки могли работать в органах образования на спецпоселении, в то время как представители «менее лояльных» контингентов такой возможности были лишены. Для подтверждения указанного тезиса рассмотрим практику трудоустройства спецпереселенцев-педагогов в одной из Западно-Сибирских областей – Тюменской (табл. 5).

Таблица 5
Спецпереселенцы-выселенцы в органах народного просвещения
Тюменской области (по состоянию на 20 июля 1949 г.)

Работают в органах народного просвещения	Немцы	Калмыки	Указники	Литовцы	Сектанты (и их)	Оуновцы	Бывшие кулаки (данные только по г. Тю- мени)
Директора (Зав.) школ	3	4	–	–	–	–	1 (Замес- титель директо- ра шко- лы № 21 г. Тюме- ни)
Преподава- тели	62	1	–	–	–	–	–
Учителя	110	30	–	–	–	–	–
Воспитатели	–	3	1	–	–	–	1
Зав. избями- читальными	–	1	–	–	–	–	–
Всего трудо- устроено по области	12 842	5 196	2 829	466	211	107	79

Составлено по: [15. Ф. 124. Оп. 40. Д. 143. Л. 65–83, 103–119].

Данные статистики коррелируют со сведениями отчетной документации МВД – учителя и руководители школ среди депортированных после войны «спецконтингентов» имелись лишь среди немцев и калмыков. Указанное обстоятельство позволяет утверждать, что на спецпоселении калмыки и немцы относились к числу «более лояльных спецконтингентов», имея относительно широкий (в сравнении с другими категориями спецпереселенцев) доступ к занятию должностей в органах образования. Если сопоставить эти сведения с

текстом «образовательного» распоряжения СНК № 13287 рс от 20 июня 1944 г., то у нас выстроится своеобразная иерархия «более лояльных» и «менее лояльных» контингентов спецпереселенцев, в которой к «более лояльным» относились калмыки и немцы, а к «менее лояльным» – «прибалтийские контингенты», выселенцы с Северного Кавказа, крымские татары и оуновцы. При этом, пожалуй, самой нелояльной группой считались этнические русские спецпереселенцы – «истинно-православные христиане».

В результате на спецпоселении возникла всепроникающая «иерархия лояльности контингентов» и «внутриконтингентных» групп. Положение в этой системе отношений определялось представлениями власти о степени лояльности той или иной внутриконтингентной группы и / или контингента спецпереселенцев. Сам спецпоселенческий социум был выстроен иерархически – разделен на «социально близких» власти, основную массу спецпереселенцев («социально неопасных») и группы «социально опасных» элементов. Эту систему конституировала разная степень жесткости режимного пространства для каждой из групп. Депортирование различных контингентов на спецпоселение было также выстроено в определенной последовательности от «более лояльных» к «менее лояльным».

При этом «лояльность» выступала в качестве интегрального понятия, была синонимична «подконтрольности» и «благонадежности», включая в себя: сопротивляемость контингента мероприятиям власти (понимаемая через количество нарушений режима, в первую очередь – число побегов); этику поведения представителей «спецконтингента» в отношении государственных структур (оценивалась через «настроения в среде «спецконтингента»); принадлежность к социально близкой «внутриконтингентной» группе (страдникам спецслужб, ВКП(б) и ВЛКСМ); трудовые показатели (степень вовлеченности трудоспособных в производственные процессы и показатели выполнения норм).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интервью с П.И. Хурюмовой (1928 г.р.) // Полевые материалы автора.

² Члены семей участников организаций украинских националистов (ОУН).

³ Истинно-православные христиане (ИПХ) – общее название и самоназвание направлений в русском православии, оформившихся после декларации митрополита Сергия 1927 г. о лояльности советской власти. Основной идеологией «истинно-православных христиан» был антикоммунизм, имевший специфический религиозный характер. 14 июля 1944 г. появился приказ НКВД–НКГБ СССР о переселении 1 673 ИПХ. В Тюменскую область было переселено и размещено на территории Ханты-Мансийского округа 664 человека из Орловской и Рязанской областей [10. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 264].

ЛИТЕРАТУРА

- Дёнингаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. 744 с.
- Weitz E. On Certainties and Ambivalences: Reply to My Critics // Slavic Review. 2002. Vol. 61, № 1. P. 62–65.
- Хили Д. Наследие ГУЛАГа: принудительный труд советской эпохи как внутренняя колонизация // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 960 с.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 50 с.
- Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. Новосибирск: Сова, 2008. 392 с.
- Ссылка калмыков: как это было: сб. док. и мат.-лов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. Т. I, кн. 1. 264 с.
- Спецпереселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения / сост. А.И. Кокурин // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 103–111.

8. Вольхин А.И. Выявление и розыск органами госбезопасности Урала и Сибири изменников родины, предателей и пособников немецких оккупантов в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны : мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию победы в ВОВ. Екатеринбург : СВ-96, 2000. С. 199–205.
9. Государственный архив Тюменской области.
10. Государственный архив Российской Федерации.
11. Исторический архив Омской области.
12. Надь Ф. Помнит земля сибирская... // Комсомолец Калмыкии. 1989. 13 авг. С. 8.
13. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.
14. Государственный архив Ханты-Мансийского округа.
15. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.
16. Мы – из выселенных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. П.О. Годаев. Элиста : АПП Джангар, 2003. 464 с.
17. Копия письма Э.М. Павлова Г.В. Гурьяновой // Прифондовые материалы Архивного отдела Администрации Березовского района Ханты-Мансийского округа. Л. 1–6.
18. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М. : ИНСАН, 1998. 368 с.
19. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. 247 с.
20. Красильников С.А. Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). 2-е изд. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. С. 287–373.
21. Тегуев А.И. Повседневная жизнь и стратегия выживания спецпереселенцев 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 33–42.
22. Загороднюк Н.И. «Опальная Югра» // Родина. 2005. № 12. С. 22–26.
23. Сталинские депортации. 1928–1953. М. : МФД Материк, 2005. 904 с.
24. Statiev A. Soviet ethnic deportations: intent versus outcome // Journal of Genocide Research. 2009. Vol. 11(2–3). June–September. P. 243–264.
25. Казиев С.Ш. Стратегии адаптации «наказанных» народов и местное население в Казахстане (1941–1953 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4 (88). С. 133–137.
26. Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-е гг. XX века: депортация, спецпоселения, реабилитация : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002. 159 с.
27. Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...». М. : Аквариус, 2015. 416 с.
28. Сабанчиев Х.М.А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2007. 411 с.
29. Яндарова С.Х. Чеченцы и ингуши: образование, культура в условиях спецпоселения // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 60–64.

Ivanov Aleksander S. Surgut oil and gas Institute (branch) of the Tyumen industrial University (Surgut, Russia). E-mail: 88d@bk.ru

HIERARCHY OF SPECIAL SETTLEMENTS (1940–1950).

Keywords: deportation; special immigrants; special settlement; repressions; habitat.

In this article an attempt is made to identify “intercontingental” and “intracontingental” differences that existed in terms of administrative of the special settlement regime of the Stalin era. To solve this problem, the author conducts the comparative analysis of the status of the deported to Siberian special settlements in late 1943 – early 1944, the Kalmyk population of the Omsk and Tyumen regions with representatives of other groups of settlers. The source base of this article is the record keeping documentation of the NKVD/MVD at various levels (central and regional). Significant role to understand the status and characteristics of the regime environment played narratives of the repressed people, first introduced by the author in the scientific circulation. Indicators have been developed for measuring the degree of hierarchy: the severity of the regime (from removal from settlement to the increase in attendance on special registration and imprisonment in prisons and camps); the practice of recruiting special settlers (on the basis of admission to work in the specialty in the education system of the Tyumen region, it is shown that the Kalmyks and Germans enjoyed the greatest confidence). As a result, the author came to the conclusion about the existence in the environment special settlement socium of deportees during the war of peoples “intracontingental” socially close power groups (employees of the Soviet security services – as close as possible to the status before deportation; members of the CPSU (b)/Communist party of the USSR and Komsomol – retained their membership in these organizations and elements of the former status). The research showed two levels of the hierarchy of settlements: “intercontingental” and “intracontingental”. “Intercontingental” – deportees divided into “socially close” to the authorities (secret service, Communists and Komsomol members), the main part of the settlers (“socially non-dangerous”) and the group of “socially dangerous” (consisting of the operational registration); “intracontingental” – on “more loyal” (Kalmyks, Germans) and “less loyal” (“the Baltic contingents”, the deportees from the North Caucasus, the Crimean Tatars, the OUN and Tokh).

REFERENCES

1. Dönninghaus, V. (2011) *V teni “Bol'shogo Brata”: Zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR (1917–1938 gg.)* [In the shadow of “Big Brother”: Western national minorities in the USSR (1917–1938)]. Moscow: ROSSPEN.
2. Weitz, E. (2002) On Certainties and Ambivalences: Reply to My Critics. *Slavic Review*. 61(1). pp. 62–65.
3. Healy, D. (2012) Nasledie GULAGa: prinuditel'nyy trud sovetskoy epokhi kak vnutrennyaya kolonizatsiya [Legacy of the Gulag: forced labour of the Soviet era as an internal colonisation]. In: Etkinda, A., Uffel'manna, D. & Kukulin, I. (eds) *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside. Practices of internal colonisation in the cultural history of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Zemskov, V.N. (2005) *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
5. Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S. & Ushakova, S.N. (2008) *Korni ili shchepki. Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri v 1930-kh – nachale 1950-kh gg.* [Roots or chips. The peasant family in a special settlement in Western Siberia in the 1930s – early 1950s]. Novosibirsk: Izdatel'skiy Dom Sova.
6. Bakaev, R.D. (ed.) (1993) *Ssylka kalmykov: kak eto bylo* [The exile of Kalmyks as it was]. Vol. 1. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Kokurin, A.I. (1993) *Spetspereselentsy v SSSR v 1944 godu, ili God bol'shogo pereseleniya* [Special settlers in the USSR in 1944, or the Year of Large Resettlement]. *Otechestvennyye arkhivy*. 5. pp. 103–111.
8. Volkhin, A.I. (2000) [Search for traitors to the nation and collaborationists during the Great Patriotic War by the organs of state security of the Urals and Siberia]. *Ural v strategii Vtoroy mirovoy voyny* [Ural in the Strategy of World War II]. Proc. of the All-Russian Conference. Ekaterinburg. pp. 199–205. (In Russian).
9. The State Archives of Tyumen Region.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF).

11. The Historical Archive of Omsk region.
12. Nad, F. (1989) Pomnit zemlya sibirskaya . . . [The Siberian land remembers . . .]. *Komsomolets Kalmykii*. 13th August. pp. 8.
13. Zemskov, V.N. (1990) Spetsposelentsy (po dokumentatsii NKVD – MVD SSSR) [Special settlers (according to the documentation of the NKVD – USSR Ministry of Internal Affairs)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 3–17.
14. The State Archives of the Khanty-Mansiysk District.
15. The State Archive of Social and Political History of Tyumen Region.
16. Godaev, P.O. (2003) *My – iz vyselennykh navechno. Vospominaniya deportirovannykh kalmykov (1943–1957 gg.)* [We are from those deported forever. Memories of the Kalmyk deportees (1943–1957)]. Elista: APP Dzhangar.
17. Pavlov, E.M. (n.d.) *Kopiya pis'ma E.M. Pavlova G.V. Gur'yanovoy* [A copy of the letter from E.M. Pavlov to G.V. Guryanova]. Fund materials of the Archival Department of the Administration of the Berezovsky District, the Khanty-Mansiysk District. pp. 1–6.
18. Bugay, N.F. & Gonov, A.M. (1998) *Kavkaz: narody v eshelonakh* [The Caucasus: the peoples in the echelons]. Moscow: INSAN.
19. Zberovskaya, E.L. (2006) *Spetsposelentsy v Krasnoyarskom krae (1940–1950-e gg.)* [Special settlers in the Krasnoyarsk Territory (1940–1950s)]. History of Cand. Diss. Krasnoyarsk.
20. Krasilnikov, S.A. (2007) Spetspereselentsy [Special settlers]. In: Krasilnikov, S.A. (ed.) *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Marginals in society. Marginals as a society. Siberia (1920–1930s)]. 2nd ed. Novosibirsk: ID Sova. pp. 287–373.
21. Tetuev, A.I. (2012) Povsednevnyaya zhizn' i strategiya vyzhivaniya spetspereselentsev 40–50-e gg. XX v. [Daily life and survival strategy of special settlers in 1940–1950s]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 3. pp. 33–42.
22. Zagorodnyuk, N.I. (2005) “Opal'naya Yugra” [Yugra in disgrace]. *Rodina*. 12. pp. 22–26.
23. Yakovlev, A.N. (ed.) (2005) *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalin's deportations. 1928–1953]. Moscow: Materik.
24. Statiev, A. (2009) Soviet ethnic deportations: intent versus outcome. *Journal of Genocide Research*. 11(2–3). pp. 243–264. DOI: 10.1080/14623520903118961
25. Kaziev, S.Sh. (2015) Adaptation Strategies for the “Punished” People and Local Communities in Kazakhstan (1941–1953). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Altai State University Journal*. 4(88). pp. 133–137. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-20
26. Agiev, R.S. (2002) *Tragediya chechenskogo i ingushskogo narodov v 30–50-e gg. XX veka: deportatsiya, spetsposeleniya, reabilitatsiya* [The tragedy of the Chechen and Ingush peoples in the 1930–1950s: deportation, special settlements, rehabilitation]. History Cand. Diss. Rostov-on-Don.
27. Bugay, N.F. & Mamaev, M.I. (2015) *Kabardino-Balkarskaya ASSR: “Spasenie v edinenii i nadezhde . . .”* [Kabardino-Balkarian ASSR: “Salvation in Unity and Hope . . .”]. Moscow: Akvarius.
28. Sabanchiev, Kh-M.A. (2007) *Deportatsiya, zhizn' v ssylke i reabilitatsiya balkarskogo naroda (1940-e – nachalo XXI v.)* [Deportation, life in exile and rehabilitation of the Balkar people (the 1940s – early 21st century)]. History Dr. Diss. Rostov-on-Don.
29. Yandarova, S.Kh. (2016) Chechentsy i ingushi: obrazovanie, kul'tura v usloviyakh spetsposeleniya [Chechens and Ingush: education, culture in special settlements]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 5. pp. 60–64.